

Издательство
АСТ

АРКАДИЙ
ГАЙДАР

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Москва
Издательство АСТ
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г14

Серийное оформление и дизайн обложки А. Фереца

Рисунок на обложке Г. Мазурина
Иллюстрации Г. Мазурина и В. Фекляева

Гайдар, Аркадий Петрович.

Г14 Тимур и его команда: [повести и рассказы]/ А. Гайдар; предисл. Б. Камира; ил. Г. Мазурина и В. Фекляева. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 317, [3] с.: ил.

ISBN 978-5-17-092193-5 (Классика для школьников).

ISBN 978-5-17-092192-8 (Школьное чтение).

ISBN 978-5-17-111590-6 (Эксклюзивная классика для школьников*).

«В книгу вошли наиболее известные произведения А.П. Гайдара (1904—1941): «Чук и Гек», «Голубая чашка», «Тимур и его команда», «На графских развалинах».

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 19.07.2018
Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Школьная. Усл. печ. л. 16,8
(Классика для школьников) Доп. тираж 1500 экз. Заказ №
(Школьное чтение) Доп. тираж 1500 экз. Заказ №
(Эксклюзивная классика для школьников*) Доп. тираж 3000 экз. Заказ №

© Камир Б. И., предисловие, 2018
© Мазурин Г. А., Фекляев В. Н., иллюстрации, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

СЛОВО ГАЙДАРА

...Таинственные токи-флюиды неведомым путем облетели тусклый коридор Детского издательства. Двери редакций и соседних с ними бухгалтерий, корректорской, машбюро мгновенно стали раскрываться. Приход Гайдара нарушил размеренную тишь. Еще минута-две — и возле него людей полным-полно. Пятигранной звездочке с лучами — салют! Трогательный гайдаровский знак, украшающий верхний правый угол каждой его рукописи — издавна знаком детгизовцам.

В гимнастерке со стоячим воротником и накладными карманами, в широких полугалифе, заправленных в командирские с блеском сапоги, светловолосый, улыбчивый, он принес сюда на Малый Черкасский ялтинский морской воздух и южное солнце. «Ничего зимнего, январского. Загорал и работал. Готов почитать, если не разбежитесь...»

Он притронулся к карману гимнастерки, но ничего не извлек, и в ритм произносимого, качнув головой, чуть переступал с ноги на ногу. Ни раньше, ни позже ничего подобного мне видеть-слышать не приходилось. Романтическая сказка «Горячий камень» заполонила душу.

С неумемной болью несколько месяцев спустя мы узнали: дивное исповедальное сказание было последним прижизненным произведением Аркадия Петровича.

Константин Григорьевич Паустовский вспоминал: «Писал Гайдар совсем не так, как мы привыкли думать. Он ходил по саду и бормотал, рассказывал

самому себе вслух новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании и в памяти».

Гроза войны круто повернула жизнь страны и, естественно, нашего издательства, одного из звеньев культуры сражающегося общества. Вахта — круглосуточная, казарменная. Время спрессовано в часы и минуты. Утро, вечер, день, ночь. В редакционных комнатах непривычные раскладушки, покрытие солдатскими одеялами. Обложки первых военных изданий («За родину, честь и свободу!»), прикладных листовок («Как гасить зажигалки?») увенчаны символом — бойцы-автоматчики, танки, пушки, многоствольные «катюши» рвутся в бой под красным знаменем. Все — для Победы!

Звонок из Главной редакции. «Гайдар здесь, заходи». Без малейшей запинки, с ходу, делюсь с Аркадием Петровичем замыслом — выпустить «летучим дождем брошюр» обращения к детям видных писателей. Алексей Толстой, Самуил Маршак, Ванда Василевская, Илья Эренбург, Янка Купала свои статьи уже дали. «Хотите, чтобы написал я?» — «Да, непременно». Ребятам важно услышать голос любимого писателя, старшего друга, вооружиться советом, поддержкой.

С первых дней гитлеровского нашествия Аркадий Петрович на фронте. В удостоверении «Комсомольской правды» значиться, что «командируется в действующую Красную Армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента...».

Жаль, но выполнить просьбу он не может. Сейчас здесь по вызову редакции. «Завтра уезжаю...» Я прошу оставить хотя бы несколько строк, но нет,

некогда. Прощаемся, он идет к двери, вдруг оборачивается и со словами: «Впрочем, готов помочь» — вынимает из планшета сложенные вчетверо листки. «Вот вам для сборника, может, подойдет?» — и уходит. На следующий день, 30 августа, Гайдар отбыл в самое пекло, в осажденный гитлеровцами Киев.

Врученные мне странички вскоре стали широко известны. Его записывали на радио и просили выступить еще. Текст он подготовил, но прийти не успел. Это был овеванный мудростью и опытом призыв Гайдара «Берись за оружие, комсомольское племя!». «Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война еще только начинается и знай, что ты еще нужен будешь в бою. Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым... Чтобы сразу, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груди земли лопатой, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел...»

Поздней осенью, в ноябре сорок первого, увидела свет опаленная огнем кровопролитных батальей маленькая книжечка «Советским детям». Писатели, властители дум, говорили в ней о постигшем нас бедствии, о мужестве и бесстрашии сплоченного народа. Завершало это издание заветное слово Гайдара.

В те дни мы не знали, что Аркадия Петровича, увы, нет в живых. 26 октября 1941 года на Украине у села Лепляева на Подолии в неравном бою, прикрывая пулеметными очередями отход соратников — партизан, пронзенный пулей в самое сердце, он пал смертью героя. Ему выпало прожить 37 лет (родился в 1904 году во Львове на Курской земле). Роковой возраст русского писателя. Вспомним — Пушкин, Маяковский...

Следуя избранному имени дозорного конника, скачущего, летящего с кличем: «а-й-д-а! а-й-д-а!»,

Аркадий Гайдар истинное свое призвание нашел в литературе для детей, в этом душевном богатстве, питающим силы ума и сердца не только юных, но взрослых поколений.

Выдающийся мастер, подвижник изящной словесности, он создал целую библиотеку зорких, пылливо-поэтичных книг, устремленных в радужное Завтра. Гайдаровское чтение зовет в неустанный поход «за лучшую долю, за счастье, за братство народов».

Из его уникального творческого наследия назовем вершинное: полуавтобиографическую повесть «Школа» с ее молодыми витязями революции; «Дальние страны» — юнцы мечтают побывать там, где идет большая стройка; «Военная тайна» — люди верны интернациональному братству, ненавидят «квасных» узколобов; «Судьба барабанщика» — мальчик помогает отцу искупить вину; «Голубая чашка» — малышам и старшим чужды разговоры и ссоры, не пускайте в дом «злых, серых мышей»; «Чук и Гек» — история двух славных братишек и, особо, «Тимур и его команда». Эта повесть снискала горячую читательскую любовь у нас и за рубежом. Нельзя остаться равнодушным, знакомясь с беспредельно добрыми делами тимуровцев. Тайная забота о тех, кто страдает. Что может быть возвышеннее этого?..

В книге, которую вы держите в руках, — избранные сочинения автора. Настоящий подарок домашней библиотеке. В образе прославленного Мальчиша-Кибальчиша воздадим должное самому писателю. «Плывут пароходы — привет Мальчишу! Пролетят летчики — привет Мальчишу! Пробегут паровозы — привет Мальчишу!». И всенародно — Гайдару, писателю, воину, благодарность Отечества!..

Борис Камир

РАССКАЗЫ

ГОЛУБАЯ ЧАШКА

Мне тогда было тридцать два года. Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной. Только в конце лета я получил отпуск, и на последний теплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам все это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим все новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день к вечеру наконец-то все было сделано. И как раз, когда

собирались мы втроем идти гулять, пришел к Марусе ее товарищ — полярный летчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и ложилась спать, а сама пошла проводить летчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили ее кипятком — получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили ее и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребятишки.

Потом выскочила из черных сеней босонгая сгорбленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по конфорке самовара, чтобы он закипел быстрее.

Посмеялись мы и думаем: вот подует ветер, закружится, зажуужит наша быстрая вертушка. Ото всех дворов сбегутся к нашему дому ребятишки. Будет и у нас тогда своя компания.

А завтра что-нибудь еще придумаем.

Может быть, выроем глубокую пещеру для той лягушки, что живет в нашем саду, возле сырого погреба.

Может быть, попросим у Маруси суровых ниток и запустим бумажного змея — выше силосной башни, выше желтых сосен и даже выше того коршуна, который целый день сегодня сторожил с неба хозяйских цыплят и крольчат.

А может быть, завтра с раннего утра сядем в лодку — я на весла, Маруся за руль, Светлана пассажиром — и уплывем по реке туда, где стоит, говорят, большой лес, где растут на берегу две дуплистые березы, под которыми нашла вчера соседская девчонка три хороших белых гриба. Жаль только, что все они были червивые.

Вдруг Светлана потянула меня за рукав и говорит:

— Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мама идет, и как бы нам с тобой сейчас не попало.

И правда, идет по тропинке вдоль забора

наша Маруся, а мы-то думали, что вернется она еще не скоро.

— Наклонись, — сказал я Светлане. — Может быть, она и не заметит.

Но Маруся сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула:

— Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи.

— Маруся, — ответил я, — мы не балуем, мы вертушку приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

— Завтра доколотите! — приказала Маруся. — А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы со Светланой. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Марусю обиделись.

И хотя Маруся принесла со станции Светлане большое яблоко, а мне пачку табаку, — все равно обиделись.

Так с обидой и уснули.

А утром — еще новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает:

— Лучше сознавайтесь, озорной народ, что в чулане мою голубую чашку разбили!

А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже. Посмотрели мы с ней друг на друга и подумали оба, что уж это на нас Маруся говорит совсем напрасно.

Но Маруся нам не поверила.

— Чашки, — говорит она, — не живые: ног у них нет. На пол они прыгать не умеют. А кроме вас двоих, в чулан никто вчера не лазил. Разбили и не сознаетесь. Стыдно, товарищи!

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город, а мы сели и задумались.

Вот тебе и на лодке поехали!

И солнце к нам в окна заглядывает. И воробы по песчаным дорожкам скачут. И цыплята сквозь деревянный плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают.

А нам совсем не весело.

— Что ж! — говорю я Светлане. — С крыши нас с тобой вчера согнали. Банку из-под керосина у нас недавно отняли. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве же это хорошая жизнь?

— Конечно, — говорит Светлана, — жизнь совсем плохая.